

Патрушев Сергей

Академия Стихий

Сергей Патрушев
Академия Стихий

«Автор»

2026

Патрушев С.

Академия Стихий / С. Патрушев — «Автор», 2026

Анастасия — уличная воровка из грязных кварталов Крестонии, внезапно обнаружившая в себе колоссальный, неконтролируемый дар Эфира. Попав в элитную Академию Стихий, она становится «Дикаркой» из группы Омега — последним в рейтинге. Заклеймённая и презируемая, она вынуждена выживать в мире жестоких интриг. Под руководством безжалостного декана Сильвера и с поддержкой верных друзей — целительницы Мии, иллюзиониста Тима и гиганта Грома — Анастасия учится управлять своей разрушительной силой.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. День, изменивший всё	5
Глава 2. Последний номер	11
Глава 3. Знакомство с изгоями	17
Глава 4. Первые искры	24
Г	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Патрушев

Академия Стихий

Глава 1. День, изменивший всё

Утро в столице Империи Крестонии пахло углем, свежим хлебом и речной сыростью. Анастасия втянула этот сложный, ни на что не похожий аромат, стоя на пороге цветочной лавки «Дыхание Эдема». Для большинства горожан этот запах означал начало очередного серого дня, наполненного службой, налогами и сплетнями на рыночной площади. Для нее же он был запахом дома.

Звон медного колокольчика над дверью возвестил о ее приходе. Внутри царил вечный полумрак, разгоняемый лишь тусклым светом газовых рожков и золотистыми лучами, которые пробивались сквозь витражное стекло крыши. Здесь всегда было на несколько градусов теплее, чем на улице, и воздух был густым, сладким, почти осязаемым.

— Проснулась, спящая красавица? — раздался из-за стеллажей с орхидеями скрипучий голос.

Мадам Жозефина, владелица лавки, женщина неопределенного возраста с лицом, похожим на печеное яблоко, и руками, вечно испачканными в земле, вынырнула из-за кадки с гигантской бегонией.

— Доброе утро, госпожа Жозефина, — улыбнулась Анастасия, надевая поверх простого серого платья рабочий фартук из плотной льняной ткани. — Я не спала. Я слушала город.

— Город слушает тебя, дуреха, и ждет, когда ты начнешь работать, — проворчала старуха, но в уголках ее глаз собрались добрые морщинки. — Сегодня большой заказ от герцогини Валери. Ее племянник вернулся с южной границы. Розы, лилии, никакой этой новомодной ядовитой экзотики. И чтобы букет кричал о деньгах, но со вкусом. Справишься?

— Справлюсь, — кивнула Анастасия.

Это была ее тайна, ее маленький грех, который она скрывала даже от самой себя, не говоря уже о мадам Жозефине. Цветы говорили с ней. Не словами, конечно, но она чувствовала их настроение. Она знала, что белые розы на дальнем стеллаже тоскуют по утреннему солнцу, а капризные лилии в ведре с ледяной водой высокомерно презирают скромные васильки. Когда она собирала букет, она не думала о правилах флористики из старых книг. Ее пальцы сами тянулись к нужным стеблям, сплетая их в композицию, которая дышала. Букеты Анастасии жили на два дня дольше, чем любые другие в столице, и пахли так, что у самых черствых аристократов щипало в носу от нахлынувших воспоминаний.

Работа спорилась. Анастасия порхала между стеллажами, словно одна из тех редких золотистых бабочек, что иногда залетали в открытую форточку. Она срезала шипы, подрезала стебли под нужным углом, чтобы каналы для воды открылись ровно на миллиметр, и шептала цветам бессмысленные, успокаивающие слова.

К полудню заказ для герцогини был готов. Это было монументальное сооружение из алых роз, чья бархатная глубина переходила в черное сердце, и ослепительно-белых лилий. Анастасия отступила на шаг, критически осматривая работу. В центре, нарушая строгую симметрию, она спрятала одну-единственную веточку дикой, неказистой полыни. Никто, кроме нее, не знал, зачем. Полынь пахла горькой свободой, степным ветром и опасностью. Это была та самая нота, которая превращала дорогой веник в произведение искусства.

— Закрой глаза, — вдруг сказала мадам Жозефина, подходя сзади.

Анастасия послушно смежила веки. Старуха поднесла букет прямо к ее лицу. — Дыши. Что ты чувствуешь? — Гордость, — не задумываясь, ответила девушка. — Но гордость ране-

ного зверя. Он красив, но знает, что скоро умрет. Ему больно от собственной красоты. В лавке повисла тяжелая тишина. — Демоны тебя раздери, девочка, — голос мадам Жозефины дрогнул. — Иногда мне становится страшно за тебя. — Почему? Это же просто цветы. — Это никогда не было «просто цветами», когда ты за них берешься. Но молчи об этом. В Крестонии за такое могут сжечь. Или забрать в Башню Тайной Канцелярии. А оттуда не возвращаются.

Обеденный перерыв стал для Анастасии священным ритуалом. Она надевала поношенное, но чистое пальто, прятала непослушные каштановые волосы под скромный чепец и выходила в бурлящий котел Столичного проспекта. Лавка находилась в Верхнем городе, в десяти минутах ходьбы от Императорского дворца.

Центральная улица Империи была воплощением имперской мощи. Широкая, как полноводная река, она была вымощена идеально подогнанными плитами из серого гранита. По брусчатке, рассчитанной на проезд тяжелой кавалерии, неслись паровые экипажи, изрыгая клубы сизого дыма. По краям, отделенные от проезжей части цепями из черненого серебра, шли пешеходы.

Анастасия шла в медленном потоке клерков в одинаковых суконных сюртуках, гувернанток, ведущих за руку детей, и солдат столичного гарнизона. Она любила это место за его контраст. С одной стороны возвышались фасады банков из черного мрамора, украшенные статуями богов-покровителей торговли. С другой, за коваными заборами, скрывались тенистые парки аристократических усадеб.

Она купила у уличной торговли горячий пирожок с требухой и пряностями, обжигая пальцы о промасленную бумагу, и прислонилась к гранитному парапету, глядя на реку Стремнинку. Вода в ней была темной, тяжелой, по ней плыли баржи с углем и лесом.

Анастасия была никем. Сирота, выросшая в приюте при Храме Всеотца. У нее не было ни фамилии, ни приданого, ни будущего. Приют выпустил ее в мир в шестнадцать лет, вручив узелок с вещами и направление на работу. Если бы не мадам Жозефина, взявшая ее под крыло, она бы сейчас, скорее всего, стояла на панели в Нижнем городе или сгинула бы на мануфактурах.

Она откусила пирожок. Жир потек по подбородку. Анастасия торопливо стерла его рукавом. В такие моменты она остро чувствовала свою уязвимость. Ей двадцать лет, а ее мир огромен этой улицей, цветочной лавкой и маленькой мансардой под самой крышей доходного дома, где зимой замерзает вода в кувшине.

Внезапно поток людей на тротуаре замедлился, а затем начал огибать невидимый остров. Анастасия, стоявшая у самого парапета, не сразу поняла, в чем дело. Люди расступались не из страха, а из глубокого, почти рефлекторного почтения.

Он шел сквозь толпу, и толпа становилась водой.

Мужчина был высок, на голову выше рослых гвардейцев. Его волосы, цвета расплавленного серебра, были собраны на затылке в небрежный, но дорогой хвост. Пара прядей выбивалась и падала на лицо, скрывая правую бровь. Он был одет в длинное пальто из ткани, которая, казалось, поглощала свет — она меняла оттенок от глубокого индиго до цвета грозовой тучи в зависимости от того, как падали на нее лучи солнца. Под пальто виднелись высокие сапоги из мягкой черной кожи и белоснежная рубашка без единого намека на крахмал, воротник которой был небрежно распахнут.

В нем не было ничего кричащего. На его одежде не было золотых галунов, на пальцах — массивных перстней. Но от него исходила такая плотность власти, что воздух вокруг казался густым.

Анастасия замерла с набитым ртом. Она смотрела на него, как и все, но видела иное.

Для обычных людей он был просто очень важным господином, возможно, кем-то из Тайного Совета или высокопоставленным магом. Для Анастасии же мир на мгновение потерял

краски. Звуки улицы — скрип колес, крики разносчиков, гудки паровых машин — словно отодвинулись за толстое стекло.

Она увидела ману.

Это не было похоже на те бледные, дрожащие ауры, которые иногда проступали вокруг больных людей или очень сильных эмоций. Вокруг этого мужчины бушевала настоящая магическая буря. Спирали чистой, холодной энергии цвета ртути отрывались от его кожи и растворялись в воздухе, заставляя снежинки, кружащиеся в небе, менять траекторию. Его сила была настолько колоссальной, настолько запредельной, что у Анастасии перехватило дыхание. Она физически ощутила давление на свои барабанные перепонки.

Но главное было не в нем. Главное было в ней.

В тот момент, когда их разделяло не более десяти шагов, что-то внутри Анастасии сломалось. Плотина, которую она строила всю свою жизнь, не зная, что делает, рухнула.

Цветы в корзинах торговцев по обе стороны улицы начали стремительно распускаться. Замерзшие на ветру бутоны роз взрывались алым цветом. Тюльпаны, торчавшие из ведер зеленой стрелами, за секунду раскрывали свои чашечки. Сугробы грязного снега у обочины, куда падала тень от его пальто, начали стремительно чернеть и оседать — трава под ними, мертвая с прошлого года, вдруг дала зеленые, болезненно яркие ростки.

Мана, которую девушка сдерживала двадцать лет, хлынула наружу. Это был не ручеек. Это был неконтролируемый, огромный, слепящий поток. Он пах озоном, грозой и чем-то сладким, похожим на перезрелые фрукты. Мана ударила во все стороны невидимой волной.

Газовый рожок над головой Анастасии вспыхнул ярко-синим пламенем и с тихим хлопком лопнул, осыпав тротуар стеклянной крошкой. Паровой экипаж в десяти метрах от нее заглох, из-под капота повалил пар, а лошадь, запряженная в него, упала на колени, жалобно заржав — ее кровь на мгновение закипела от магического резонанса.

Люди вокруг начали падать. Кто-то схватился за сердце, кто-то осел на брусчатку, потеряв сознание от внезапного удушья. У торговки цветами, стоявшей рядом с Анастасией, из носа хлынула кровь.

Анастасия пошатнулась. Она не управляла этим. Она вообще не понимала, что происходит. Ее тело стало руслом для горной реки. Зубы стучали от вибрации, кости ныли, словно их пытались вывернуть из суставов. Она чувствовала, как ее собственная жизненная сила сгорает, питая этот чудовищный выброс.

Она поняла, что сейчас умрет. Просто рассыплется в прах, не выдержав собственного дара.

Мужчина с серебряными волосами остановился. Он не обернулся. Он просто замер посреди проспекта, и движение вокруг него окончательно умерло.

Его голова медленно повернулась.

Он смотрел прямо на Анастасию. Сквозь чепец, сквозь дешевое пальто, сквозь ее страх. Его глаза оказались не серебряными, как можно было ожидать. Они были цвета расплавленного золота, с вертикальными, как у хищной птицы, зрачками.

В этих глазах не было удивления. Там было чистое, холодное, академическое узнавание. Словно энтомолог, который сорок лет искал редчайшего жука и наконец увидел его сидящим на обычном городском навозе.

Он сделал шаг. Всего один шаг, но расстояние между ними исчезло. Воздух сгустился, сопротивляясь его движению, и со свистом заполнил образовавшуюся пустоту.

— Тише, — сказал он. Его голос был глубоким, бархатным, с легкой, почти незаметной хрипотцой. — Тише, дитя. Ты пугаешь лошадей.

Он поднял руку. На его указательном пальце вспыхнула маленькая, размером с ноготь, печать — сложный геометрический узор из переплетающихся линий. Он не направил ее на Анастасию. Он просто выставил ладонь перед собой, навстречу ее потоку.

Это было похоже на столкновение двух океанов. Поток маны Анастасии ударился в невидимую стену. Улица содрогнулась. Гранитный парапет, о который опиралась девушка, пошел трещинами и рассыпался в мелкую пыль. Витрина модной лавки за спиной мужчины взорвалась тысячей осколков.

Анастасия закричала. Это был беззвучный крик, застрявший в сдавленном горле. Она чувствовала, как чужая, невероятно плотная воля обхватывает ее поток, словно гигантский невидимый кулак. Ее мана сопротивлялась, билась в истерике, но сила мужчины была подобна закону всемирного тяготения — ей было некого винить и не с кем спорить.

Секунда. Две. Десять.

Давление начало медленно спадать. Золотоглазый мужчина не боролся с ее силой, он ее поглощал, фильтровал, пропускал через себя, как через идеальный, бесконечно плотный фильтр. Шум улицы возвращался медленно, словно нехотя. Анастасия судорожно вдохнула, упала на колени прямо в грязную снежную кашу и закашлялась.

— Невероятно, — произнес мужчина. Он опустил руку. Печать на пальце погасла. — Чистый, первозданный Источник. Без единой инициации. Без обучения. Двадцать лет в теле обычного человека. Как ты до сих пор не взорвалась, девочка? Твои меридианы должны быть похожи на перегретые паровые трубы.

Анастасия подняла голову. Слезы, смешанные с сажой и талой водой, чертили грязные дорожки на ее щеках. Она смотрела на него снизу вверх, и в ее взгляде не было ни злости, ни страха перед магом. Там был животный ужас существа, которое только что заглянуло в бездну внутри самой себя.

— Я... я не... — прохрипела она. Голос не слушался. — Цветы... я только хотела продавать цветы...

Мужчина присел перед ней на корточки. Его белоснежная рубашка тут же впитала уличную грязь, но он, казалось, этого не заметил. Он бесцеремонно, но удивительно бережно взял ее за подбородок двумя пальцами, поворачивая лицо к свету, изучая зрачки.

— Продавать цветы, — повторил он с легкой усмешкой, от которой у Анастасии мороз пошел по коже. — Благородное занятие. Но, боюсь, твой контракт с лавкой можно считать расторгнутым. По причине полного уничтожения оной.

Анастасия обернулась. Там, где стояла цветочная лавка «Дыхание Эдема», теперь была дымящаяся воронка. Стены из красного кирпича обвалились внутрь, крыша просела, а от витражного стекла не осталось и следа. Из-под обломков торчали переломанные стебли роз. Мадам Жозефина, целая и невредимая, стояла на другой стороне улицы, прижав руки ко рту, и ее беззвучный вопль был виден лишь по дрожанию плеч.

— Она... она ни в чем не виновата, — прошептала Анастасия, снова поворачиваясь к магу. — Пожалуйста, не наказывайте ее. Это я. Я все сломала.

— Я знаю, — кивнул мужчина. Он отпустил ее подбородок и выпрямился во весь свой впечатляющий рост. — Я почувствовал твой выброс за три квартала. Он сбил настройки моего навигационного амулета. Я как раз шел в Архив, чтобы выпить кофе с главным архивариусом, но планы изменились.

Он протянул ей руку. Вблизи его пальцы казались слишком длинными, а кожа — слишком бледной, почти прозрачной. На тыльной стороне ладони виднелась сложная татуировка, уходящая под манжету.

— Вставай.

Анастасия смотрела на его руку, как на ядовитую змею. — Куда? — выдохнула она. — В Башню? На опыты?

Мужчина тихо, искренне рассмеялся. Это был пугающий звук — веселый и абсолютно лишенный человечности. — На опыты? Девочка, ты сама — ходячий, неконтролируемый эксперимент. Если я оставлю тебя здесь, Академия Стихий пришлет за тобой чистильщиков через

час. Они не такие деликатные, как я. Они вырежут твой дар вместе с сердцем, чтобы изучить его в лаборатории. А если тебя найдут адепты запрещенных культов, они вырежут его вместе с половиной твоих внутренностей для ритуала призыва. Ты — бомба с треснувшим фитилем.

Он слегка склонил голову, и серебряная прядь упала ему на глаза. — Я — Сильвер. Декан факультета Высшей Ритуалистики и Артефакторики. И я предлагаю тебе сделку.

— Сделку? — Анастасия с трудом поднялась на ноги, не принимая его руки. Ее все еще мелко трясло.

— Обучение, — сказал Сильвер. — Прямо сейчас. На месте. Ты пойдешь со мной в Академию. Я запиру тебя в экранированном бункере на минус пятом этаже, выдам самый прочный ошейник-ограничитель, который только есть в хранилищах, и буду учить тебя контролировать это. — Он кивнул на воронку. — Взамен ты останешься жива. И твоя мадам с печеным лицом, скорее всего, тоже. Я замну дело с лавкой. Скажу, что прорвало подземную паровую магистраль.

Анастасия смотрела на дымящиеся руины своей прошлой жизни. На мадам Жозефину, которая медленно оседала на землю в обмороке. На гвардейцев, которые начали пробиваться сквозь толпу, расчищая дорогу.

— А если я откажусь?

Сильвер пожал плечами. Его пальто даже не шелохнулось. — Тогда я оглушу тебя. Легко, безболезненно. Положу в ящик и все равно отвезу в Академию. Но тогда ты станешь собственностью Короны. А я предлагаю тебе стать моей студенткой. Разница невелика, но она есть. У студента есть призрачный шанс выпуститься. У собственности Короны — нет.

Он не угрожал. Он констатировал факт с той же интонацией, с какой торговец на рынке сообщает цену на репу.

— У тебя есть время до того момента, как вон тот усатый капитан гвардии дойдет до нас. Скажем, пять секунд.

Анастасия посмотрела на приближающегося усатого капитана. На его рукоять меча. На лицо Сильвера, в золотых глазах которого не было ничего, кроме холодного любопытства исследователя.

Она не знала, что такое Академия Стихий. Она не знала, кто такие маги. Она знала только, что если останется здесь, то либо ее разорвут на части собственные внутренности, либо ее разорвут люди с мечами.

Она сделала то, что делала всегда, когда мир становился слишком страшным. Она приняла единственное доступное ей решение.

Анастасия вложила свою ледяную, дрожащую ладонь в его руку.

Кожа Сильвера была обжигающе холодной.

Как только их пальцы соприкоснулись, мана внутри девушки снова дернулась, пытаясь вырваться от прикосновения родственной, но чужой силы. Но на этот раз поток встретил не пустоту. Он встретил гранитную плотину.

Сильвер сжал ее пальцы. Это было легкое, почти дружеское пожатие, но для Анастасии оно ощущалось как захлопнувшаяся крышка свинцового гроба. Вся ее чудовищная, неконтролируемая мощь была мгновенно отсечена, заперта глубоко внутри. Воздух снова стал просто воздухом. Шум улицы стал просто шумом.

— Умная девочка, — сказал Сильвер.

Он щелкнул пальцами. Воздух перед ними пошел рябью, как вода от брошенного камня. Прямо посреди Столичного проспекта, в десяти шагах от Императорского дворца, разверзся идеально круглый, пульсирующий синим светом портал.

— Добро пожаловать в Академию, — произнес декан, делая шаг в пустоту и увлекая Анастасию за собой.

Последнее, что она увидела в Крестонии, прежде чем мир сменился стерильным полумраком каменного коридора, — это спину убегающей мадам Жозефины. Старуха бежала прочь, не разбирая дороги, спотыкаясь о тела упавших в обморок прохожих.

Дверь в старую жизнь захлопнулась с оглушительным, безвозвратным грохотом.

Глава 2. Последний номер

Портал выплюнул их в промозглый полумрак. Переход от залитой зимним солнцем Столичной улицы к этому месту был похож на падение в ледяную воду. Анастасия споткнулась о невидимый порог, и Сильверу пришлось придержать ее за локоть, чтобы она не рухнула на каменный пол.

Здесь не было неба. Над головой, на высоте добрых десяти метров, смыкался сводчатый потолок из черного базальта, испещренный светящимися прожилками, похожими на кровеносную систему гигантского спящего зверя. Воздух пах озоном, старой пылью, расплавленным воском и озерной тиной.

— Где мы? — прошептала Анастасия, кутаясь в свое тонкое пальто. Холод здесь был иным, чем на улице — он шел от самих стен, от самого камня, и пронизывал до костей.

— Под Академией, — бросил Сильвер через плечо. Он шел по коридору широким, уверенным шагом, и полы его невозможного пальто не шевелились, словно в подземелье не было ни малейшего сквозняка. — Транспортный узел. Самый глубокий. Наверху сейчас полдень, а здесь — вечная полночь. Полезно для концентрации.

Коридор был бесконечно длинным. Стены, сложенные из огромных блоков, казалось, впитывали звук их шагов. Единственным источником света служили магические светильники — стеклянные колбы, внутри которых плавали сгустки холодного синего пламени. Они вспыхивали ярче, когда Сильвер проходил мимо, и тускнели, оставляя за их спинами густую, осязаемую тьму.

Анастасия старалась не смотреть по сторонам. Из теней в нишах на нее взирали каменные горгульи, чьи глаза следили за ней с пугающей осмысленностью. Периодически из боковых ответвлений доносились звуки, от которых волосы на затылке вставали дыбом: то низкий, утробный гул, похожий на рык, то звон бьющегося хрусталя, то чей-то короткий, оборвавшийся на полуслове крик.

— Вы убиваете здесь людей? — не выдержала она, когда они миновали массивную дверь, из-под которой вытекала лужа чего-то вязкого и светящегося.

— Мы учим их не убивать себя, — не оборачиваясь, ответил Сильвер. — Разница, как я уже говорил, невелика.

Они остановились перед дверью, обитой листами темного металла. На ней не было ни ручки, ни замочной скважины. Сильвер приложил ладонь к центру створки. Металл зашипел, раскаляясь докрасна, и на нем проступил сложный символ, похожий на скрещенные меч и посох. Дверь беззвучно ушла в стену.

Кабинет декана оказался полной противоположностью мрачному подземелью. Это был огромный круглый зал, залитый теплым светом газовых ламп. Стены от пола до потолка были заставлены стеллажами с книгами. Здесь были не только фолианты в кожаных переплетах, но и светящиеся кристаллы, свитки, перевязанные серебряными нитями, и даже парящие в воздухе листы пергамента, на которых сами собой выводились формулы. В центре стоял массивный стол из красного дерева, заваленный картами звездного неба, астролябиями и пустыми кофейными чашками.

— Садись, — Сильвер указал на глубокое кожаное кресло перед столом.

Анастасия осторожно опустилась на краешек сиденья. Кожа была мягкой и теплой. Она чувствовала себя уличной грязью, попавшей на бархат королевской мантии.

Сильвер обошел стол, налил себе в хрустальный бокал янтарной жидкости из хрустального графина и сделал глоток. — Коньяк, — пояснил он, заметив ее взгляд. — Выдержка сто сорок лет. Помогает смириться с идиотизмом мироздания. Тебе не предлагаю. Твоя нервная

система сейчас и так работает на пределе. Если я дам тебе алкоголь, ты либо уснешь на неделю, либо случайно снесешь Академию до основания.

Он сел в свое кресло, откинулся на спинку и сцепил пальцы в замок. Золотые глаза изучали ее без тени жалости.

— Меня зовут Сильвер, — повторил он, словно она могла забыть. — Для студентов — лорд-декан Сильвер. Для тебя, пока ты не научишься держать ману в узде — «Господин декан». — Да, господин декан, — пискнула Анастасия.

— Ты — аномалия, — продолжил он, игнорируя ее тон. — Статистическая погрешность. В девяноста девяти процентах случаев Источник — это искра. Ее нужно раздуть, научить человека дышать огнем. В твоем случае это не искра. Это готовый термоядерный реактор, который двадцать лет работал на холостом ходу внутри хрупкого человеческого тела. То, что ты не превратилась в пепел при первой менструации или сильном испуге — это чудо. Вероятность такого события — один к десяти миллионам.

— Я не просила об этом чуде, — тихо сказала Анастасия. — Я хотела продавать фиалки.

— Фиалки теперь в проломе глубиной в три метра на Столичном проспекте, — отрезал Сильвер. — Смирись. Твоя старая жизнь закончилась в тот момент, когда ты вдохнула воздух Империи Крестонии. Вопрос лишь в том, какой будет твоя новая жизнь. У тебя есть два варианта. Первый: я сейчас звоню в Колокольчик. Через пять минут здесь будут инквизиторы Тайной Канцелярии. Они милые ребята, знаешь ли. Вырежут тебе глаза, чтобы ты не видела потоков, зальют уши свинцом, чтобы не слышала шепот эфира, и отправят на урановые рудники в Северные пустоши. Там твой дар будет освещать шахты. Это гуманно.

Анастасия вжалась в кресло. — А второй?

— Второй вариант сложнее. Ты становишься студенткой Академии Стихий. Мы запираем твой дар в клетку из рун, учим тебя этой клеткой управлять, и через десять лет, если ты выживешь, ты получаешь диплом. С ним ты сможешь стать придворным магом, главой гильдии или просто очень богатой женщиной, которая покупает любые фиалки, какие пожелает.

— Я согласна, — выдохнула она, не раздумывая ни секунды.

Сильвер едва заметно улыбнулся уголком губ. — Я знал, что ты умная девочка. Но есть нюанс.

Он выдвинул верхний ящик стола и достал оттуда толстую книгу в сером холщовом переплете. Бросил ее на стол. Книга проскользнула по полированной поверхности и остановилась прямо перед Анастасией. На обложке золотым тиснением был выведен герб Академии: феникс, пронзающий себя собственным клювом.

— Устав. Правила внутреннего распорядка. Кодекс чести. Том первый. — Я не умею читать, — призналась Анастасия, не поднимая глаз.

Сильвер моргнул. Золотые вертикальные зрачки на мгновение расширились. — Совсем? — Я знаю буквы. Приютская школа. Но складывать их в слова... времени не было. Я торговала.

Декан издал странный звук, средний между кашлем и смешком. — Прекрасно. Мы берем в высшее магическое заведение полнейшую неграмотную дикарку с мощью архидемона. Это войдет в анналы.

Он открыл книгу. — Формально, набор в этом году закрыт. Испытания прошли три месяца назад. Занятия начались. Все группы укомплектованы. По закону я должен отправить тебя домой. — Но вы не отправите? — Я не отправлю, — кивнул Сильвер. — Потому что если я отправлю тебя домой, а ты завтра от радости увидишь щенка и испугаешься, от Столицы останется дымящийся кратер. Но закон есть закон. Я не могу зачислить тебя на основной курс.

Он перевернул страницу. — Однако в Уставе есть лазейка. Пункт сорок четыре, параграф «б». «В исключительных случаях, по личному распоряжению Декана, допускается зачисление абитуриента в резервную группу, если это необходимо для обеспечения безопасности Империи».

Он закрыл книгу. — Поздравляю. Ты — угроза безопасности Империи.

Сильвер поднялся, подошел к стене, которая на самом деле оказалась огромной картой континента, и нажал на неприметный выступ в углу рамы. Карта с тихим шелестом отъехала в сторону, открывая встроенный в стену кристалл связи темно-фиолетового цвета.

— Регистратура? — бросил он в пустоту. — Говорит декан Сильвер. Мне нужен приказ о внеочередном зачислении. Да, сегодня. Группа Омега. Да, я знаю, что набор закрыт. Пункт сорок четыре «б». Источник класса «Абсолют». Нет, я не пьян. Жду номер.

Он вернулся за стол, налил себе еще коньяка и стал ждать, барабанив длинными пальцами по дереву. Анастасия сидела неподвижно, боясь пошевелиться.

Через минуту кристалл на стене моргнул, и из него раздался сухой, скрипучий голос: — Номер семь тысяч четыреста тридцать один. Поздравляю с приобретением головной боли, декан. — Она не головная боль, — усмехнулся Сильвер, глядя на Анастасию. — Она стихийное бедствие. Конец связи.

Кристалл погас. — Семь тысяч четыреста тридцать один, — повторил Сильвер. — Запомни. Это твое имя на ближайшие годы. Имен у нас нет. Есть номера.

Он достал из ящика стола тонкую медную пластинку на простом кожаном шнурке. На пластинке были выбиты цифры. — Надевай. Не снимай. Никогда. Если потеряешь — тебя препарируют на кафедре Теоретической анатомии, приняв за шпиона.

Анастасия дрожащими руками приняла шнурок. Металл был холодным и тяжелым. Она повесила его на шею. Пластинка легла в ложбинку между ключиц, неприятно холодя кожу.

— Теперь форма, — Сильвер снова нажал на панель в стене.

В стене открылась ниша, из которой выехал медный голем-помощник размером с крупную собаку. В его механических лапах был зажат сверток из грубой серой ткани.

— Твоя униформа, — декан кивнул на сверток. — Цвет группы Омега — серый. Это цвет пепла. Пепла тех, кто не справился. Считается самым позорным цветом в Академии.

Он протянул ей сверток. — Иди в ту дверь. — Он указал на неприметную створку в дальнем углу кабинета. — Там душевая. Сожги свою одежду. В буквальном смысле. Используй спички, которые лежат на полке. Твои старые тряпки фонят остаточной маной. Если их найдет уборщик, у него выпадут все волосы. Переоденься. Когда выйдешь, тебя встретят.

— Кто? — спросила Анастасия, прижимая к груди серый сверток. — Твой новый лучший друг. Или злейший враг. В группе Омега это зачастую одно и то же.

Душевая оказалась тесной каморкой, вырубленной прямо в скале. Вместо лейки над цементным полом зияла пасть бронзовой горгульи, из которой текла ледяная вода. На полке действительно лежал коробок серных спичек и кусок едко пахнущего черного мыла.

Анастасия разделась. Ее старое пальто, платье и чепец казались теперь кукольными, жалкими. Она сложила их стопкой на каменной скамье и чиркнула спичкой.

Огонь занялся мгновенно. Ткань вспыхнула неестественно ярким, зеленым пламенем, выпуская в сливное отверстие клубы фиолетового дыма. Анастасия смотрела, как горит ее прошлая жизнь, и впервые за этот безумный день по ее щекам потекли слезы. Она плакала не от страха. Она плакала от окончательности. Пути назад не было.

Она умылась ледяной водой, стерла сажу и слезы, и натянула на себя новую одежду.

Форма группы Омега была сшита на удивление добротно, но дизайн ее был призван унижать. Плотные штаны из некрашеной шерсти, которые натирали бедра. Рубаха из того же материала, без ворота, с грубыми швами, впивающимися в подмышки. И тяжелая, плотная куртка-безрукавка, больше похожая на солдатский поддоспешник. Ни пуговиц, ни ремней. Только шнурки из сыромятной кожи.

Анастасия посмотрела на свое отражение в потускневшем медном листе, прислоненном к стене. На нее смотрела чужая, серая, угловатая фигура. Девушка с улицы исчезла. Остался только номер. 7431.

Она вышла из душевой.

Сильвера в кабинете не было. Вместо него у стола стоял другой человек.

Он был ниже декана, но вдвое шире в плечах. Его кожа имела странный, землистый оттенок, а нос был сломан так много раз, что превратился в бесформенную лепешку. На нем была такая же серая форма, но на плечах красовались нашивки из потертого черного бархата.

— Новенькая? — прогудел он, и его голос прозвучал как скрежет камней. — Меня зовут Грок. Я старший наставник группы Омега.

Грок смерил ее взглядом с ног до головы, задержавшись на медной пластинке на ее груди. — 7431. Длинновато. Буду звать тебя «Новичок». Или «Дохлячка». Посмотрим по настроению. За мной.

Он развернулся и пошел к выходу, не проверив, идет ли она следом. Анастасия подхватила края своей новой куртки и засеменила за ним.

Они поднимались наверх. Это был бесконечный марш по винтовым лестницам. Грок шел молча, его тяжелые сапоги гулко стучали по камню. Анастасия пыталась считать пролеты, но сбилась после пятидесятого. Академия, казалось, уходила корнями в самое сердце планеты и одновременно пронзала облака.

Наконец Грок толкнул очередную дверь, и они вышли в широкий, ярко освещенный коридор. Здесь было шумно. Воздух гудел от сотен голосов, смеха и звона сталкивающихся заклинаний. Стены были увешаны расписаниями, списками и плакатами, призывающими записываться в дуэльный клуб.

Но самое главное — здесь были студенты.

Они были одеты в форму разных цветов. Мимо Анастасии пронеслась стайка девушек в ослепительно-белых мантиях с золотой окантовкой — их волосы были уложены в идеальные прически, а на пальцах сверкали кольца. Они смерили серую фигуру Анастасии брезгливыми взглядами и захихикали.

Следом прошел парень в форме цвета ночного неба с серебряными рунами — он небрежно левитировал перед собой стопку книг, попыхивая трубкой, от которой пахло дорогим табаком.

Анастасия почувствовала себя кротом, выброшенным на середину королевского бала.

— Не глазей, — рыкнул Грок, толкая ее в спину. — Ослепнешь. Высшие курсы. Золото, серебро, индиго. Цвета силы. А мы идем в подвал.

Они спустились еще на два уровня, но теперь это были обитаемые этажи. Коридоры здесь были уже, потолки ниже, а свет давали дешевые люминесцентные кристаллы, которые постоянно моргали. Запах дорогих духов сменился запахом немых тел, дешевого пива и застаре-лой сырости.

Грок остановился перед массивной дверью из темного дуба. На ней висела бронзовая табличка. «Группа Омега. Учебный класс и общежитие».

— Твой новый дом, — Грок пнул дверь ногой. Она с тяжелым скрипом отворилась. — Добро пожаловать на дно.

В лицо Анастасии ударил спертый, кислый воздух.

Комната была огромной, но из-за двухъярусных железных кроватей, стоящих плотными рядами, казалась тесной казармой. Их было не меньше сотни. Под потолком висели клубы сизого дыма. На веревках, натянутых между кроватями, сушились портянки и нижнее белье.

Сотни парней — а в комнате были только они — вскинули головы. Разговоры мгновенно стихли.

Грок вышел на центр свободного пространства и сложил руки на груди. — Заткнули пасти, ублюдки! — его голос перекрыл гул вентиляции. — Слушать сюда. Это 7431. Декан лично притащил ее из города полчаса назад. Она Источник. Необученный. Так что если кто-

то из вас, кретинов, решит ее прижать в углу и посмотреть, как искрит, я лично скормлю ваши яйца горгульям с третьего яруса. Она под защитой Декана. Всем ясно?

В ответ раздался нестройный гул. Кто-то свистнул. Кто-то выкрикнул непристойность. Анастасия стояла, вцепившись в края своей куртки, чувствуя, как десятки пар глаз раздевают ее, оценивают, прикидывают, сколько она продержится до первой отчислительной комиссии.

— Твоя койка, — Грок ткнул толстым пальцем в дальний угол, где стояла самая ржавая и перекошенная кровать у самой двери в уборную. Верхний ярус. — Белье в шкафу. Если найдешь чистое — тебе повезло. Если нет — спи на матрасе. Подъем в пять утра. Опоздаешь на утреннюю разминку — будешь бегать с камнями в сапогах. Все, я ушел. Развлекайтесь.

Тяжелая дверь закрылась за ним, отрезая путь к отступлению.

Гробовая тишина длилась три секунды.

— Свежее мясо! — заорал кто-то с дальних коек. — Деканская подстилка!

Комната взорвалась хохотом. В сторону Анастасии полетел чей-то грязный сапог. Он ударился о стену в дюйме от ее головы и упал на пол, оставив мокрый след.

Анастасия не стала ждать продолжения. Она знала этот тип толпы. Приют научил ее главному правилу выживания: если ты слаб, не пытайся казаться сильным. Будь невидимкой.

Она пригнула голову и, лавируя между свисающими ногами и вонючими портянками, бросилась к своей кровати. Железная лесенка жалобно закричала под ее весом. Она забралась наверх, подтянула колени к груди и забилась в самый угол, стараясь занимать как можно меньше места.

Снизу продолжали улюлюкать. Кто-то начал скандировать: «Омега — значит ноль! Омега — значит ноль!» Остальные подхватили. Стены дрожали от ритмичного рева.

Анастасия закрыла глаза. Она вспомнила тепло цветочной лавки. Запах роз. Спокойный голос мадам Жозефины. *«Иногда мне становится страшно за тебя».*

Теперь мадам Жозефина была свободна. А Анастасия была здесь. В железной коробке с сотней озлобленных, сильных магов, для которых она была лишь развлечением и напоминанием о собственном ничтожестве.

Она просидела так, не шевелясь, больше часа. Рев постепенно стих. Кто-то захрапел. Кто-то начал играть в карты, шлепая ими по дереву так, что звук напоминал выстрелы.

Анастасия открыла глаза.

За маленьким, забранным толстой решеткой окном под самым потолком царилась ночь. Она не знала, который час. Она не знала, какой сегодня день. Она не знала, как колдовать.

Ее желудок сводило от голода — она так и не доела тот пирожок.

Она осторожно, стараясь не издать ни звука, спустилась вниз. Ей нужно было найти уборную и, если повезет, столовую.

Как только ее ноги коснулись пола, чья-то тяжелая рука схватила ее за лодыжку.

Анастасия вскрикнула и рухнула на колени. Она обернулась.

Прямо под ее кроватью, на грязном матрасе нижнего яруса, лежал парень. Он был огромен. Не столько высокий, сколько необъятно широкий, с руками, похожими на окорока. Его бритая голова была покрыта шрамами, а из уголка рта тонкой струйкой сочилась слюна. Он смотрел на нее мутными, белесыми глазами.

— Декан сказал не трогать, — прошепелявил он, и его рука поползла вверх по ее голени. — Но декан не сказал, что нельзя смотреть.

Анастасия дернулась, пытаясь вырвать ногу. Хватка была железной.

— Отпусти, — пискнула она.

— Какая вежливая, — парень сел на матрасе. От него несло перегаром, потом и дешевым табаком. — А что ты умеешь, вежливая? Кроме как стоять и красиво плакать?

Он рывком притянул ее к себе. Анастасия упала на колени прямо на его матрас, ударившись лицом о его твердую, как доска, грудь.

В этот момент что-то щелкнуло.

Это не было похоже на утренний взрыв. Не было ни света, ни грохота. Внутри Анастасии, там, где под грудиной сжался тугой узел первобытного ужаса, лопнула тонкая нить.

Мана, которую Сильвер так тщательно запер рунами, не вырвалась наружу. Она хлынула внутрь.

Анастасия не видела потоков. Она просто *знала*.

Она положила ладонь на грудь верзилы. Просто уперлась рукой, чтобы не упасть.

Верзила замер. Его белесые глаза на мгновение прояснились, в них мелькнуло удивление.

— Ты чего... — начал он.

Анастасия не произнесла ни слова. Она не знала ни одного заклинания. Но она была Источником. Она *была* магией.

Она просто представила, как тепло уходит из ее руки. Как холод сковывает пространство.

Кожа верзилы под ее ладонью за долю секунды покрылась инеем. Иней стремительно пополз по его груди, по шее, к лицу. Его дыхание, только что шумное и хмельное, превратилось в облачко пара. Глаза остекленели и покрылись тонкой коркой льда.

Парень медленно, как срубленное дерево, завалился на бок. С глухим стуком он рухнул на каменный пол, подмяв под себя вонючий матрас. Он был жив — Анастасия почувствовала это, — но его сердце билось со скоростью улитки, а тело было парализовано глубоким, неестественным сном.

В комнате снова повисла тишина. Но на этот раз она была другой. Тяжелой. Давящей.

Сотня голов повернулась к ней. Карты замерли в воздухе. Храп прекратился.

Анастасия стояла на коленях посреди прохода, глядя на свои руки. Они не дрожали. На кончиках ее пальцев медленно таял иней.

Она медленно подняла взгляд. Посмотрела прямо в глаза самому громкому парню, который минуту назад кричал про «деканскую подстилку».

— Я хочу есть, — тихо, но так, что ее голос услышали в каждом углу казармы, сказала Анастасия. — И я хочу спать. Если кто-то еще раз кинет в меня сапогом или назовет подстилкой, я не буду замораживать. Я сожгу.

Она говорила это наугад, блефовала, сама не зная, сможет ли выполнить угрозу. Но внутри нее, в ответ на ее слова, родилось горячее, обжигающее согласие.

Никто не шелохнулся.

Анастасия встала. Отряхнула колени. Подошла к своей ржавой кровати, достала из прикроватного ящика первый попавшийся серый сверток — видимо, чье-то белье — и расстелила его на матрасе.

Она легла, не снимая куртки, натянула на голову тонкое колючее одеяло и закрыла глаза.

Она не знала, что будет завтра. Но сегодня, в первый день своей новой жизни под номером 7431, она отвоевала себе право на эту койку.

Сон пришел мгновенно, тяжелый и черный, без сновидений. А в казарме группы Омега до самого утра не было слышно ни звука. Впервые за много лет серые койки в самом дальнем углу подземелья внушали обитателям Академии не жалость, а холодный, липкий страх.

Глава 3. Знакомство с изгоями

Пять утра ударило по барабанным перепонкам не звуком, а вибрацией. Низкий, утробный гул сирены пронесся по казармам, заставив стальные перекрытия дрожать. Анастасия села на койке, инстинктивно пытаясь зажать уши руками, но тело не слушалось. Мышцы, непривычные к жестким матрасам, отзывались тупой болью.

Сирена стихла, сменившись механическим скрежетом. В дальнем конце казармы, прямо в каменной стене, со скрипом отъехала в сторону массивная заслонка. Из образовавшегося проема в комнату вкатился медный голем-разносчик, похожий на пузатый самовар на суставчатых ногах. В его манипуляторах дымились жестяные кружки.

— Подъем, падаль! — раздался рык Грока. Старший наставник стоял в дверях, поигрывая тяжелой деревянной палкой, которой он с видимым удовольствием бил по спинкам железных кроватей. — Пять минут на оправку! Десять на жратву! Через пятнадцать минут вы должны сдохнуть на плацу! Кто сдохнет недостаточно качественно — будет отжиматься до завтрака!

Казарма пришла в движение. Это был не человеческий подъем, это был выброс планктона в океан при отливе. Сотня полуголых, сонных тел хлынула к узким дверям уборных. Воздух мгновенно наполнился густым запахом мужского пота, нечищенных зубов и дешевого щелочного мыла.

Анастасия осталась сидеть наверху, вжавшись в угол своей верхней полки. Она наблюдала за этим хаосом с ужасом дикарки, впервые увидевшей городскую ярмарку. Парни толкались, орали друг на друга, срывали с веревок чужие портянки. Кто-то запустил в соседа сапогом. Сапог сбил плафон с люминесцентного кристалла, погрузив часть казармы в полумрак.

— Эй, Новенькая! — Грок заметил ее. Его голос перекрыл утреннюю какофонию. — Тебе особое приглашение нужно? Или ты думаешь, что если декан Сильвер притащил тебя на ручки, то я буду кормить тебя с ложечки?

Палка со свистом рассекала воздух и с треском врезалась в стойку ее кровати, в паре дюймов от ее головы. Анастасия вздрогнула, ударилась макушкой о низкий потолок яруса и кубарем скатилась вниз, прямо в гущу копошащихся тел.

Она приземлилась на чьи-то босые ноги. — Смотри под ноги, серая мышь! — рявкнул обладатель ног, отталкивая ее.

Анастасия вскочила, чувствуя, как горят щеки. Она была ниже большинства из них, тоньше, и ее серая форма казалась на размер больше, делая ее похожей на огородное пугало. Она метнулась к проему, где голем раздавал еду, стараясь не смотреть никому в глаза.

Еда представляла собой серую, дымящуюся массу в помятой жестяной миске. Пшенная каша на воде. Без соли, без масла. Рядом лежал кусок хлеба, твердый, как гранитная плитка. Анастасия схватила свою порцию, чудом избежав столкновения с парнем, который пытался выхватить сразу две кружки с бурой жидкостью, именуемой чаем, и отступила к стене.

Она ела стоя, механически отправляя в рот ложку за ложкой. Каша была пресной и прилипала к небу, но желудок, пустовавший со вчерашнего обеда, требовал наполнения.

— Нервничаешь?

Голос прозвучал совсем рядом, тихий и мелодичный, совершенно неуместный в этом грохочущем железном загоне.

Анастасия вздрогнула и обернулась. Рядом стояла девушка. Она тоже была в серой форме, но ее куртка была аккуратно застегнута на все деревянные пуговицы, а волосы, цвета светлого меда, заплетены в тугую, идеальную косу. На ее шее тоже висела медная пластинка, но девушка придерживала ее двумя пальцами, словно та была сделана из раскаленного угля.

— Меня зовут Мия, — сказала она, слабо улыбнувшись. — Номер семь тысяч четыреста двадцать восемь. Мы, должно быть, из одного набора.

— Анастасия, — машинально ответила девушка, но тут же прикусила язык и добавила: — То есть семь тысяч четыреста тридцать один.

— Я знаю, — кивнула Мия. — Тебя вчера привел сам декан. Весь этаж гудел. Говорят, ты заморозила Бульдозера.

— Бульдозера? — Ну, того здоровяка, который храпит так, что трясется фундамент. Его зовут Карел, но он откликается только на клички. Ты действительно его усыпила?

Анастасия посмотрела на свои руки. Они были чистыми, но ей казалось, что на подушечках пальцев до сих пор тает иней. — Я не знаю, как, — честно призналась она. — Я просто очень хотела, чтобы он перестал дышать на меня перегаром.

Мия тихо, но искренне рассмеялась. Смех был похож на звон крошечных колокольчиков. — Это самая чистая стихийная магия, которую я видела. Ты не используешь формулы, ты просто *хочешь*. Нам говорили на теории, что Источники так могут, но я думала, это сказки для первокурсников.

— Ты целительница? — догадалась Анастасия, глядя на то, как бережно Мия держит свою миску с кашей, словно это хрупкий хрусталь. — Да. Потоки жизни. Лечить царапины, сращивать кости. Очень полезно, когда тебя пытаются убить на дуэли за то, что ты наступил на чужой чертеж.

— Тебя пытались убить? — Каждый вторник, — Мия вздохнула. — Я из группы Омега уже второй год. Сюда попадают либо те, у кого нет дара, либо те, у кого дар... специфический. Я не могу создать огненный шар, чтобы спасти свою жизнь. Я могу лишь сделать так, чтобы человек, в которого попадут, не умер сразу. Это делает меня крайне непопулярной на практических занятиях.

Она кивнула в сторону толпы. — Держись ближе ко мне, если сможешь. Грок не разрешает нам сидеть в казарме после подъема, но на плацу, в задних рядах, безопаснее.

Мия отошла, чтобы вернуть пустую миску голему. Анастасия проводила ее взглядом. Целительница двигалась плавно, скользя между бьющимися локтями и летающими сапогами, словно вода обтекает камни.

— Новенькая!

К ней подошел парень, чья улыбка занимала половину лица. У него были ярко-рыжие волосы, торчащие во все стороны, как иглы дикобраза, и россыпь веснушек. Его форма была в беспорядке — куртка расстегнута, шнурки волочатся по полу — но глаза сияли озорным, почти безумным блеском.

— Я Тим, — представился он, бесцеремонно заглядывая в ее миску. — Семь тысяч четыреста двадцать девять. Вижу, ты уже познакомилась с нашей Мышкой. Не обращай внимания на ее нытье, она просто любит, когда ее жалеют.

— Я не ною, — донеслось из-за его спины. — Ноешь-ноешь, — отмахнулся Тим. — А я — Тим. Иллюзионист. Беспольный, как дырявое ведро, по мнению профессоров. Я не могу заставить человека увидеть демона, от которого он обделается. Я могу заставить его на секунду поверить, что у него вырос хвост. Или что его кружка с чаем превратилась в паука.

Для наглядности он шелкнул пальцами. Парень, стоявший рядом и собиравшийся отхлебнуть из кружки, с воплем отшвырнул ее. Кружка была абсолютно обычной, но парень долго еще тряс руками, уверяя всех, что по нему ползет сотня мохнатых ног.

— Иллюзии высокого порядка требуют математической точности, — продолжал тараторить Тим, пока толпа двигалась к выходу из казармы. — А я считаю на пальцах. До трех. Потом начинаю заново. Но зато я могу сделать так, что декан Сильвер будет казаться тебе голым. Хочешь?

— Нет! — выпалила Анастасия, невольно прыснув.

— Зря. Это мое лучшее шоу. Так что, серенькая, добро пожаловать в клуб отверженных. Мы — дно. Иллюзионист, который не может обмануть даже слепого. Целительница, которая лечит только тогда, когда все уже умерли. И, судя по тому, как декан на тебя смотрел, ты — бомба с сорванной чекой. Идеальная компания.

— А где четвертый? — спросила Анастасия, вспомнив вчерашние слова Грока.

Тим помрачнел. Его веснушки как-то разом поблекли. — Гром. Не называй его так в лицо, если не хочешь, чтобы тебя похоронили заживо в брусчатке. Он там.

Они как раз вышли на плац.

Плац Академии представлял собой огромное, идеально круглое поле, выжженное до состояния черного стекла. По периметру стояли трибуны, а в центре возвышались тренировочные манекены, обугленные и изрубленные.

Утренняя разминка уже началась. Грок, стоя на возвышении, заставлял первокурсников из «золотой» группы бегать круги, попутно отбиваясь от магических снарядов, которые швыряли в них старшекурсники. Это называлось «адаптацией к боевому стрессу».

Группа Омега стояла в самом дальнем, самом грязном углу плаца, у подножия трибуны, куда стекала дождевая вода и нечистоты. Их было человек тридцать — серые, сгорбленные фигуры.

Гром стоял чуть в стороне от них.

Он был огромен. Не таким толстым, как Карел, а широким в плечах и массивным, словно высеченным из скалы. Его кожа имела пепельный оттенок, а коротко стриженные волосы были цвета сухой грязи. Он не делал утреннюю зарядку. Он просто стоял, опустив руки вдоль тела, и смотрел в одну точку перед собой.

Земля под его ногами была другой. Пока вся остальная брусчатка плаца была мокрой и скользкой от грязи, круг радиусом в два метра вокруг Грома был абсолютно сухим. Более того, камень там потрескался и пошел глубокими морщинами, словно от невыносимого жара, хотя сам маг стоял неподвижно.

— Земляной, — прошептал Тим. — Специализация — разрушение. Говорят, в детстве у него случился срыв. Он так разозлился на соседского кота, что их дом ушел под землю на три этажа. Вместе с родителями кота. С тех пор он почти не разговаривает. Профессора боятся его. Если он потеряет контроль, вся Академия может провалиться в бездну. Поэтому его сослали к нам. Чтобы он чувствовал себя ничтожеством и не хотел расти.

— Это подло, — вырвалось у Анастасии.

— Это политика, — фыркнул Тим. — Ну что, готова сдохнуть? Грок идет.

Старший наставник тяжелой походкой приблизился к их группе. Он прошелся вдоль строя, брезгливо оглядывая их с ног до головы. — Слушать сюда, мусор! — рявкнул он. — Вы здесь для того, чтобы стать мясом. Пушечным мясом для Империи. Вас не будут учить изящным пассам. Вас будут учить выживать. Первое правило: если вы видите, что на вас летит заклинание — падайте. Второе правило: если вы упали, а заклинание все еще летит — молитесь.

Грок остановился напротив Анастасии. Он смерил ее взглядом, задержавшись на медной пластинке. — Так это тебя Сильвер подобрал в канаве. Источник. Посмотрим, на сколько тебя хватит. Правило для тебя только одно: если ты взорвешь мой плац, я скормлю твои кишки горгульям по частям.

— Так точно, — пискнула Анастасия.

Грок удовлетворенно кивнул и повернулся к строю. — Десять кругов вокруг плаца! Бегом! Кто перейдет на шаг — будет бежать еще десять! Вперед!

Толпа серых курток неохотно потекла по периметру черного стекла.

Бег стал для Анастасии пыткой. Ее легкие горели, ноги, не привыкшие к таким нагрузкам, налились свинцом. Она бежала в самом хвосте, за Мией, которая, несмотря на свою хруп-

кость, держала удивительно ровный темп. Тим бежал рядом с Анастасией, постоянно спотыкаясь и создавая под своими ногами иллюзорные лужи, в которых сам же и путался.

— Зачем мы это делаем? — прохрипела Анастасия на втором круге. — Мы же маги! Мы можем летать!

— Летать — это высшая левитация, — выдохнул Тим, его лицо стало багровым. — Ее проходят на пятом курсе. А пока мы просто сосуды для маны. Если сосуд слабый, он лопнет от первого же литра. Грок вышибает из нас дух, чтобы мы научились держать форму.

На третьем круге их начали обгонять. Мимо проносились студенты старших курсов. Они бежали легко, играючи, некоторые даже левитировали в полуметре над землей, презрительно глядя на ковыляющих «серых».

Один из «золотых» студентов, парень с надменным лицом и в белоснежной мантии, специально замедлился рядом с Анастасией. — Смотрите, — громко сказал он своей компании. — Новая зверушка декана. Как мило. Говорят, она умеет морозить сопли.

Он щелкнул пальцами. Из земли перед Анастасией вырвался корень, превратившийся в скользкую, извивающуюся змею. Это была простая, почти безобидная иллюзия, но после бессонной ночи и бега ее нервы были на пределе. Анастасия вскрикнула, споткнулась и полетела лицом в грязь.

Тим бросился к ней, но поскользнулся на той самой иллюзорной луже, которую сам создал минуту назад, и упал рядом, подняв фонтан брызг.

— Бесполезные твари, — бросил «золотой» и полетел дальше, смеясь.

Анастасия села в грязи. По щекам текли злые, бессильные слезы, смешиваясь с потом и гарью. Ее колено было сбито в кровь.

— Вставай, — раздался над ними низкий, вибрирующий голос.

Гром. Он не бежал. Он шел шагом, но каким-то образом оказался рядом с ними быстрее, чем Анастасия успела моргнуть. Он не помогал. Он просто стоял над ними, заслоня собой солнце, и его тень казалась тяжелой.

Тим, отплеываясь от грязи, поднялся сам. — Мы в порядке, Гром. Просто... грязь.

Анастасия попыталась встать, но подвернутая лодыжка отозвалась острой болью. Она пошатнулась.

Гром издал звук, похожий на вздох камнепада. Он шагнул вперед, наклонился — при этом его огромная тень полностью накрыла девушку — и без видимых усилий подхватил Анастасию на руки.

Она ожидала почувствовать запах земли и камня, но от него пахло озоном и чем-то неуловимо свежим, как воздух после грозы. Его руки были горячими, почти обжигающими, и твердыми, как дерево.

— Нога, — буркнул он, не глядя на нее. — Сломал. Случайно.

Прежде чем Анастасия успела испугаться, Гром поставил ее на ноги чуть дальше по ходу движения. Боль в лодыжке исчезла. Она посмотрела вниз. Кожа была целой, лишь испачканной в грязи. Земляной маг, сам того не осознавая, инстинктивно «срастил» ее уставшие связки своим полем, просто проходя мимо.

— Спасибо, — прошептала она в широкую спину, покрытую серой тканью.

Гром не ответил. Он просто пошел дальше, в начало строя, и его тяжелая поступь заставляла вибрировать землю.

— Я видела, как ты упала, — сказала Мия, подбегая к ней и протягивая руку. На ее ладони лежал маленький, светящийся зеленым светом комочек слизи. — Съешь. Это ускорит регенерацию. На вкус как тина, зато завтра не будешь хромать.

Анастасия проглотила слизь, подавив рвотный позыв. Мир на секунду качнулся, а боль в колене сменилась странным теплом.

— Он тебя починил, — констатировала Мия, кивая в сторону Грома. — Он всегда так. Злитесь на весь мир, а потом сам же его и чинит.

Они добежали последние круги. Когда Грок наконец дунул в свисток, Анастасия рухнула на колени. Все тело превратилось в один сплошной пульсирующий синяк.

— Десять минут на воду! — пророкотал наставник. — Потом спарринги!

Спарринги в группе Омега выглядели не как изящный танец магов из имперских баллад. Это была грязная, жестокая свалка.

Грок разбил их на пары. — Ты, — он ткнул пальцем в Анастасию. — Против... тебя.

Его палец уперся в грудь Тима. — Рыжий, покажи нам, на что годны твои бесполезные фокусы. Новенькая, покажи нам, не разнесешь ли ты парня на куски, если он тебя толкнет. Деритесь всерьез. Щиты держать на максимуме.

— Но я не умею держать щиты! — в отчаянии воскликнула Анастасия.

— Тогда умрешь! — рявкнул Грок. — Начали!

Тим виновато улыбнулся и развел руками. — Прости, мышка. Ничего личного.

Он щелкнул пальцами. Анастасия моргнула. И в тот же миг Тим исчез. На его месте стоял огромный, покрытый шипами демон из Нижних миров, сотканный из черного дыма и красных углей. Чудовище издало оглушительный рев и занесло когтистую лапу.

Анастасия не думала. Ее тело сработало быстрее разума.

Ужас, холодный и липкий, ударил в голову. Пространство перед ней мгновенно потеряло тепло. Воздух сгустился, превращаясь в прозрачный, но абсолютно твердый купол. Демон с размаху врезался в него лапой.

Раздался звук, похожий на удар колокола. Иллюзия разлетелась тысячей черных хлопьев. Тим, тяжело дыша, стоял в десяти шагах от нее, держась за голову.

— Больно же, — обиженно протянул он. — Я настроил частоту боли на максимум. Думал, ты хотя бы пошатнешься.

— Это было... быстро, — выдохнула Мия, стоявшая среди зрителей. — Щит возник за долю секунды. До удара.

Грок, наблюдавший за этим с возвышения, нахмурился. — Снова! — крикнул он. — Тим, хватит валять дурака. Бей ее чем-то настоящим.

Тим кивнул. Его веснушки снова заиграли на солнце. Он перестал корчить рожи. — Хорошо, наставник.

Он снова щелкнул пальцами. На этот раз не было ни демонов, ни дыма. Анастасия просто почувствовала, как ее ноги отрываются от земли. Гравитация исчезла. Мир перевернулся. Она летела вверх.

Это была не левитация. Это было полное отсутствие опоры. Она посмотрела вниз и увидела стремительно удаляющуюся землю, лица студентов, превратившиеся в белые пятна, и крошечную фигурку Грока.

Высота. Ее самый страшный кошмар.

Ветер выл в ушах. Легкие сжались. Она не могла вдохнуть.

Внизу кто-то что-то кричал, но звук не долетал. Анастасия падала. Иллюзия была идеальной — она чувствовала, как желудок подкатывает к горлу, как закладывает уши. Она знала, что сейчас разобьется.

И тогда плотина внутри нее рухнула окончательно.

Она не хотела умирать.

Мана хлынула не наружу, а внутрь, формируя структуру. Это не было формулой. Это был чистый инстинкт выживания. Воздух вокруг ее тела уплотнился, превращаясь в спиральный вихрь. Она не падала. Она *стояла* на невидимом, бешено вращающемся стуле из ветра.

Анастасия открыла глаза. Она висела в тридцати метрах над землей, и вокруг ее ног бушевал миниатюрный смерч, удерживающий ее в воздухе с пугающей стабильностью.

Внизу стояла мертвая тишина. Даже Грок задрал голову, забыв про свою палку.

— Она... летает, — прошептал кто-то из «золотых» студентов.

Анастасия посмотрела на свои руки. Вокруг ее ладоней вились струи сжатого воздуха, прозрачные и смертоносные. Она чуть повела кистью. Смерч под ногами усилился, подбросив ее еще на пару метров вверх.

— Тим! — рявкнул Грок так, что, казалось, осыпалась черепица с крыши Академии. — Снимай ее оттуда! Сейчас же! Если она рухнет, Сильвер снимет с меня шкуру!

Тим, бледный как полотно, снова щелкнул пальцами. Иллюзия высоты исчезла.

Анастасия не упала. Она продолжала висеть в воздухе, поддерживаемая собственным ужасом и восторгом.

— Как... как мне спуститься? — крикнула она вниз.

— Просто... перестань! — посоветовал Тим.

Анастасия посмотрела на землю. Она представила, как ветер стихает. Как ноги снова обретают вес. Смерч захлебнулся. Поток воздуха иссяк.

Она упала.

Но упала всего с полуметра. Приземление было жестким, но она устояла на ногах, лишь упав на одно колено.

Тишина на плацу стала абсолютной. Слышно было только, как потрескивают нагревающиеся камни.

Грок медленно, очень медленно спустился со своего возвышения. Он подошел к Анастасии. Его лицо, обычно багровое, сейчас было бледным.

— Десять лет, — хрипло сказал он, глядя на нее снизу вверх. — Я тренирую этот сброд десять лет. Я видел, как огневики взрывают сами себя. Как водные маги топят целые аудитории. Но я никогда... никогда не видел, чтобы необученный Источник создал управляемый антигравитационный вихрь на чистом рефлексе.

Он ткнул своей палкой в грязь у ее ног. — Ты не Омега, — его голос понизился до угрожающего шепота. — Ты ошибка системы. И если ты думаешь, что это делает тебя особенной, ты ошибаешься. Это делает тебя мишенью.

Раздался удар колокола, возвещающий конец разминки.

— Всем в душ! — рявкнул Грок, мгновенно возвращая себе привычный тон садиста. — Жрать! И чтобы через час были в лекционном зале! История магии не будет ждать, пока вы, ничтожества, наведете красоту!

Студенты начали расходиться, но теперь они обходили Анастасию по широкой дуге. В их взглядах не было больше насмешки. Там был страх.

Тим подошел к ней, осторожно, бочком. — Ну ты даешь, мышка, — выдохнул он. — Я чуть не намочил штаны, а я их даже не надевал, это иллюзия.

Мия взяла Анастасию за руку. Ее ладонь была ледяной. — Ты в порядке? Твой резерв... он должен быть пуст. Ты только что сожгла дневную норму магистра.

Анастасия посмотрела внутрь себя. Там, где вчера бушевал хаос, теперь было тихо. Пусто. Но это была не слабость. Это была... чистота. Как выжженное поле, на котором вот-вот пробьется новая трава.

— Я хочу есть, — сказала она. — А потом я хочу в библиотеку.

— В библиотеку? — Тим поперхнулся воздухом. — Серые не ходят в Центральную библиотеку. Нас туда не пускают. Там слишком чисто для нашего цвета.

— Значит, пойдем в Архив, — упрямо тряхнула головой Анастасия. — Я не умею читать формулы. Значит, я должна научиться понимать, что я делаю, пока не разнесла эту Академию на куски.

Она посмотрела на Грома, который стоял поодаль, методично вколачивая кулак в каменную стену — просто так, чтобы снять напряжение. Камень крошился.

Гром на мгновение прекратил бить стену. Он медленно повернул голову и посмотрел на Анастасию. В его темных глазах не было ни страха, ни насмешки. Там было что-то похожее на узнавание. Он едва заметно кивнул.

— Мы покажем, — тихо сказал Тим, становясь рядом с ней. — Мы, изгнанники, всегда держимся вместе. Иначе нас по одному перемелют в муку эти белоснежные ублюдки.

Мия встала с другой стороны. — Я принесу из лазарета мазь для твоих коленей, — сказала она.

Анастасия стояла в центре этого странного, нелепого полукруга. Бесплезный иллюзионист, тихая целительница, угрюмый разрушитель и она — бомба без чеки.

Она посмотрела на серые куртки своих товарищей по несчастью. На грязный плац. На сияющие белизной башни Высшей магии вдалеке.

— Они думают, что серый — это цвет пепла, — громко сказала Анастасия, глядя прямо на Грока, который делал вид, что проверяет снаряжение. — Но они забывают, что из пепла рождается феникс.

Тим присвистнул. Мия улыбнулась. Гром впервые за утро едва заметно дернул уголком губ.

Это было начало. Анастасия не знала, как она будет учиться. Она не знала, как выжить в змеином гнезде политических интриг Академии. Но глядя на лица своих новых друзей, она впервые за долгое время почувствовала не страх, а злость.

Холодную, ясную, обжигающую злость.

Она докажет им всем. Начиная с того надменного «золотого» студента. Начиная с самого декана Сильвера.

Она станет магом. Самым сильным, которого когда-либо видела эта проклятая Академия. И ее номер — семь тысяч четыреста тридцать один — они будут произносить с уважением.

Глава 4. Первые искры

Первые две недели в Академии слились для Анастасии в один бесконечный, изматывающий марафон боли. Тело, привыкшее к размеренной жизни цветочной лавки, где самым тяжелым предметом была лейка с водой, взбунтовалось. Мышцы, о существовании которых она даже не подозревала, ныли круглосуточно.

День начинался в пять утра с пробежки под ледяным дождем, продолжался изнурительной физической подготовкой на плацу, где Грок заставлял их таскать камни, отжиматься на кулаках и ползать в грязи, и заканчивался глубокой ночью над пыльными фолиантами в Архиве.

Архив находился на минус третьем уровне. Это было царство плесени, тишины и полумрака. Сюда ссылали тех, кто не справлялся с теорией наверху, и тех, чьи знания считались слишком опасными для общего доступа.

— Читай, — в пятый раз повторил Тим, тыкая грязным ногтем в страницу. — Это же простейшая формула щита. Всего три переменные. Плотность, вязкость, вектор отдачи.

— Я не понимаю букв, — в сотый раз ответила Анастасия, потирая воспаленные от пыли глаза. — Для меня это просто красивые узоры. Как мороз на стекле.

Мия сидела рядом, обложившись трактатами по анатомии. Она не вмешивалась, лишь изредка подкладывала Анастасии завернутый в платок кусок хлеба с тонким слоем дешевого мармелада — единственная сладость, которую им позволяли иметь.

— Магия — это математика, — менторским тоном вещал Тим. — Если ты не можешь вычислить угол преломления луча, ты не можешь пустить его в глаз врагу. Это логично.

— Мне не нужно вычислять, — упрямылась Анастасия. — Я просто... чувствую.

Она закрыла глаза и положила ладонь на страницу. Бумага была холодной. Но под ней, в глубине переплета, ощущалось легкое покалывание. — Здесь, — она ткнула в центр пентаграммы. — Оно спит. А здесь, — палец переместился на край страницы, где заканчивались рунные связки, — оно обрывается. Ему не хватает... дыхания.

Тим перегнулся через стол, едва не опрокинув чернильницу. — Не хватает дыхания? Настя, это «Кинетический барьер, тип Б». У него нет легких!

— У всего есть дыхание, — вздохнула Анастасия и убрала руку. Магия тут же схлынула, оставив после себя лишь запах старой пыли. — Вы пытаетесь поймать ветер сачком для бабочек. Вы смотрите на веревки и узлы, а я вижу сам ветер.

Мия отложила книгу. — Тим, оставь ее. Если она начнет учить формулы, она потеряет свою интуицию. А ее интуиция... — целительница понизила голос до шепота. — Ты видел, как она поймала твой снаряд? Она поставила щит *до* того, как ты закончил пас. Она среагировала на твоё намерение.

— Это читерство, — буркнул Тим, но спорить перестал.

Их идиллию нарушила тень, упавшая на стол.

— Группа Омега. На выход.

Гром стоял над ними, заслоняя свет люминесцентной лампы. Его лицо, как обычно, было непроницаемой маской, но в руках он держал четыре тонких деревянных палки — тренировочные вадзикаши.

— Наставник Грок объявил практические занятия по фехтованию, — пророкотал земляной маг. — Через пять минут. Кто опоздает, будет держать щит, пока Гром бьет по нему молотом.

Тим побледнел. Практические занятия с Гроком означали, что их будут бить настоящими, хоть и затупленными, железками.

Тренировочный зал номер четыре, закрепленный за группой Омега, находился в западном крыле. Это было сырое помещение с низким потолком, с которого постоянно капала конденсированная влага. Пол был застелен старыми, пропитанными кровью и потом матами.

Грок расхаживал вдоль строя, похлопывая себя тяжелой учебной саблей по голенищу сапога. — Вы — мусор, — начал он свою ежедневную мантру. — Но вы — вооруженный мусор. Империя не может позволить себе, чтобы пушечное мясо не умело держать нож. Базовая стойка!

Они отрабатывали удары уже час. Руки Анастасии, непривычные к весу дерева, покрылись кровавыми мозолями. Каждый раз, когда она пыталась повторить плавный, экономный выпад, который показывал Грок, сабля становилась неподъемной.

— Ты машешь ей, как крестьянка вилами! — орал наставник, подходя сзади. — Легче! Кисть! Работай кистью!

Он ударил своим клинком плашмя по ее сабле. Дерево зазвенело, а руки Анастасии онемели до самых плеч. Сабля вылетела из ослабевших пальцев и со стуком покатила по каменному полу.

— Подними, — безразлично бросил Грок. — Еще раз.

Анастасия, стиснув зубы, наклонилась. В этот момент она почувствовала это.

Под каменными плитами пола, глубоко в фундаменте Академии, текла жизнь. Это не было похоже на человеческую энергию Мии. Это было медленно, тяжело, давяще. Камни «дышали». Они сжимались от холода подземелья и едва заметно расширялись, когда сверху проходил паровой котел.

Анастасия замерла, держась за рукоять сабли. Она присела на корточки, положив свободную ладонь на пол.

— Я сказала, встать! — рявкнул Грок.

— Тише, — прошептала Анастасия, не поднимая головы. — Вы его пугаете.

— Кого? — Грок остановился.

— Гранит. Он старый. Ему больно от того, как вы стучите железом.

По залу пронесся смешок. Даже Тим, сидевший в углу с рассеченной губой, забыл о боли.

Лицо Грока начало наливаться багрянцем, предвещая бурю. Он шагнул к девушке, заноса саблю для демонстративного, унижительного удара плашмя по спине. — Ты мне тут еще духами камней прикидываться будешь, дрянь?

В тот момент, когда дерево должно было опуститься на ее позвоночник, Анастасия подняла голову.

Она не использовала формулу. Она не делала пассивных руками. Она просто посмотрела на Грока и представила, что пол под его сапогами — это не твердыня, а густая, податливая глина.

Грок опустил саблю. В ту же секунду его правая нога по щиколотку ушла в камень.

Наставник потерял равновесие и с громким проклятием рухнул на пол, подняв тучу пыли. Сабля выскользнула из его рук и заскользила к стене.

В зале повисла абсолютная, звенящая тишина.

Анастасия смотрела на свои руки. Она не чувствовала усталости. Наоборот, по венам разливалось приятное тепло, словно она выпила чашку горячего чая. Она посмотрела на ногу Грока. Камень вокруг его лодыжки был гладким, оплавленным, словно воск.

— Ты... ты земляной? — прохрипел Грок, пытаясь выдернуть ногу. Камень держал крепко, медленно твердея.

— Я не знаю, — честно ответила Анастасия. — Я просто попросила его не быть твердым.

Грок рывком освободил ногу, оставив в полу глубокий, идеально ровный отпечаток сапога. Он поднялся, отряхивая колени. Его лицо было бледным. Впервые за все время наставник не кричал. Он смотрел на Анастасию так, как смотрел декан Сильвер в первый день — с холодным, исследовательским интересом хищника.

— Все вон, — тихо сказал Грок. — Кроме нее.

Тим, Мия и Гром, которые до этого боялись пошевелиться, схватили свои вещи и пулей вылетели из зала, притворив тяжелую дверь.

Грок подошел к Анастасии. Он больше не казался огромным и неповоротливым. Сейчас он двигался как сжатая пружина. — Как ты это сделала?

— Я же говорю, я попросила, — Анастасия пожала плечами. Ее мозоли на руках саднили, но внутри все пело от легкости.

— Попросила, — повторил Грок. Он присел перед ней на корточки, заглядывая в глаза. — Анастасия. Или как тебя там. Слушай меня внимательно. Если ты можешь двигать камень, ты не Омега. Ты — угроза. В Академии есть фракции. Огневики считают себя элитой. Воздушники — аристократами. А мы, земляные, — мы фундамент. Мы те, на ком они стоят. Если они узнают, что девчонка из подворотни может превратить их мраморные полы в зыбучие пески одним взглядом, они придут за тобой.

— Я не хочу никому вредить, — прошептала Анастасия.

— Твои желания никого не волнуют, — отрезал Грок. — Твоя сила волнует. С этого момента после общей тренировки ты остаешься здесь. Я буду учить тебя. Бесплатно.

— Почему? — удивилась она. — Вы же меня ненавидите.

Грок криво усмехнулся, показав щербатый зуб. — Я ненавижу идиотов. А ты, при всей твоей дикости, не идиотка. Ты — необработанный алмаз. И если я не научу тебя огранять себя, это сделает кто-то другой. Например, вырвав тебе сердце для ритуала. Работаем.

Вечером того же дня, когда группа Омега уже готовилась ко сну, в их казарму вошел медный голем-распорядитель.

— Семь тысяч четыреста тридцать один. К декану Сильверу. Немедленно.

Анастасия, только что стащившая с себя пропахшую потом куртку, замерла. Сердце пропустило удар. Вызов к декану после того, что случилось на плацу, не сулил ничего хорошего.

— Удачи, Новенькая, — тихо сказал Тим, который пытался приладить оторванный воротник. — Не испепели его, — буркнул Гром из своего угла, полируя кусок обсидиана.

Анастасия запахнула пальто, которое теперь служило ей и халатом, и вышла в коридор. Холод подземелья тут же пробрал ее до костей.

Сильвер ждал ее не в кабинете, а в том самом тренировочном зале на минус пятом этаже, куда он привел ее в первый день. Только теперь зал выглядел иначе. Стены были покрыты сложной сеткой из серебряной проволоки, а пол расчерчен концентрическими кругами. В воздухе пахло озоном и озерной водой.

Декан стоял в центре. На нем не было его щегольского пальто. Только простая черная рубашка и брюки, заправленные в высокие сапоги. Рукава были закатаны до локтей, открывая взору ту самую татуировку, что змеилась по его рукам.

— Ты использовала магию земли сегодня, — сказал он без предисловий, когда Анастасия остановилась в круге света.

— Я не использовала, — возразила она. — Она просто... послушалась.

— Послушание — это форма использования, — Сильвер достал из воздуха хрустальный бокал и бутылку коньяка. — Подойди.

Анастасия шагнула вперед.

— Сними куртку, — приказал он.

— Здесь холодно, господин декан. — Снимай. Я не собираюсь тебя соблазнять, если тебя это беспокоит. Мне нужно видеть твои меридианы.

Анастасия медленно стащила куртку и рубашку, оставшись в одной нательной сорочке. Кожа тут же покрылась мурашками.

Сильвер поставил бокал на пол. Он подошел к ней вплотную. Его пальцы, холодные как лед, коснулись ее ключиц. — Дыши.

Его ладони скользнули по ее плечам, по груди, по ребрам. Это не было похоже на медицинский осмотр. Каждое прикосновение оставляло за собой след из ледяного огня. Анастасия почувствовала, как ее кожа под его пальцами начинает светиться едва заметным серебристым светом.

— Замри, — скомандовал Сильвер.

Он положил ладонь ей на солнечное сплетение. Анастасия затаила дыхание.

Внутри нее что-то щелкнуло. словно кто-то открыл заслонку.

Мана, которую она так старательно прятала, хлынула наружу. Но на этот раз она не была слепой стихией. Она текла по четко определенным путям.

Анастасия увидела это своими глазами. Под ее кожей, прямо сквозь кости и мышцы, пролегали светящиеся нити. Они сплетались в сложный узор, сходясь в центре груди, где горело маленькое, размером с кулак, солнце.

— Источник, — выдохнул Сильвер. Его золотые глаза расширились, вертикальные зрачки вытянулись в тонкие нити. — Клянусь Первозданным Огнем...

Он отдернул руку так, словно обжегся. — Ты не маг, Анастасия. Ты — это то место, где магия рождается. Твое тело — это не сосуд. Это кузница.

— Я не понимаю, — прошептала девушка, обхватывая себя руками, чтобы унять дрожь.

— Огневики черпают силу из жара. Водные — из холода. Воздушные — из движения. А ты... — Сильвер обошел ее кругом, внимательно изучая светящиеся линии. — Ты черпаешь отовсюду. Ты — абсолютный проводник. Твой элемент — это сам Эфир. Чистая, неразделенная энергия.

Он остановился перед ней. — Это самая редкая и самая опасная специализация в мире. Эфирный маг может создать огонь, который не сжигает, а лечит. Или воду, которая течет вверх. Или камень, который поет. Но если такой маг срывается... он не создает огненный шар. Он стирает из реальности кусок пространства.

— Я не хочу стирать куски реальности, — жалобно сказала Анастасия. — Я хочу, чтобы меня не били палкой по утрам.

Сильвер позволил себе короткую, сухую улыбку. — Палка — это меньшее из твоих зол. Если бы я не наложил на тебя ограничители в первый день, твое пробуждение уничтожило бы половину Столицы.

— Ограничители? — Анастасия непонимающе посмотрела на него.

Сильвер коснулся ее груди, но не физически. Его рука прошла сквозь кожу, и Анастасия почувствовала ледяной укол глубоко внутри. Там, где билось ее магическое сердце, что-то отозвалось тугой, болезненной тяжестью.

— Я запер твой дар в клетку, — пояснил декан. — Иначе ты бы светилась в темноте, как маяк для каждого темного колдуна Империи. Но клетка не выдерживает давления. Сегодня, когда Грок разозлил тебя, твой резерв превысил критическую отметку. Ограничители треснули. Камень поддался.

— Вы... вы сделали мне больно, — выдохнула Анастасия, чувствуя, как внутри все сжимается от холода.

— Я спас тебе жизнь, — жестко ответил Сильвер. — Боль — это побочный эффект. Теперь к делу.

Он отошел к стене и вернулся с двумя предметами. Первым был простой деревянный меч-боккен. Вторым — тяжелый железный ошейник, покрытый тускло светящимися рунами.

— Что это? — Анастасия попятилась, но уперлась спиной в стену.

— Это, — Сильвер качнул ошейником, — рунический подавитель. Он снизит твой фон до уровня деревенской знахарки. Ты будешь носить его постоянно. Снимать только в экранированном бункере.

— Я не надену это, — голос Анастасии дрогнул. — Это как ошейник для собаки.

— Это как намордник для бешеного волка, — отрезал Сильвер. — Выбирай. Либо ты носишь это и учишься контролировать себя. Либо я звоню в Колокольчик.

Анастасия посмотрела на свои светящиеся руки. Потом на ошейник. Выбор был очевиден. Она ненавидела это. Ненавидела каждую руну на холодном железе. Но она кивнула.

— Умная девочка, — Сильвер ловко застегнул ошейник на ее шее.

Металл щелкнул. Ледяной холод, который Анастасия почувствовала в груди, мгновенно распространился по всему телу. Свечение под кожей погасло. Ощущение огромного, бурлящего океана внутри сменилось крохотной, жалкой лужицей. Она почувствовала себя глухой и слепой.

— Мерзко, да? — спросил Сильвер, заметив, как она пошатнулась. — Привыкай. Это цена твоей безопасности.

Он протянул ей деревянный меч. — А теперь мы будем учиться драться.

— Я не умею, — Анастасия с отвращением взяла боккен. Дерево казалось мертвым и тяжелым.

— Именно. Грок научит тебя махать деревяшкой. Я научу тебя убивать.

Сильвер отступил на шаг. В его руке из ниоткуда возник клинок из чистого, звящего льда. — Нападай.

— Я вас покалечу!

— Нет, — улыбнулся декан. — Твой ошейник не даст тебе выдать больше, чем искру. А я... я умею уклоняться.

Анастасия стиснула зубы. Гнев на этого холодного, жестокого человека, на эту Академию, на весь этот мир, где ее лишили даже собственного тепла, поднялся из глубины души.

Она замахнулась. Деревянный меч со свистом рассек воздух.

Сильвер не сдвинулся с места. Он просто чуть отклонил голову. Клинок должен был пройти в миллиметре от его виска.

Но в последний момент Анастасия почувствовала, как воздух вокруг меча стал плотным. Дерево в ее руке само, без ее участия, изменило траекторию. Оно потянулось к декану, словно магнит к железу.

Сильвер снова улыбнулся. Он сделал шаг в сторону, пропуская удар, и его ледяной клинок логонько коснулся плеча Анастасии.

Лед.

Острая, парализующая боль пронзила мышцы. Анастасия вскрикнула и выронила меч. Ее правая рука повисла плетью, мгновенно онемев от плеча до кончиков пальцев.

— Ты открылась, — сказал Сильвер, развеивая ледяной клинок. — Ты пыталась дотянуться до моей маны. Эфир всегда тянется к большему источнику. Это инстинкт.

— Сволочь, — прохрипела Анастасия, оседая на пол и прижимая онемевшую руку к животу. Слезы брызнули из глаз — не от боли, от унижения и бессилия.

— Первая истина боя, — Сильвер присел перед ней на корточки, его золотые глаза были пугающе близко. — Твоя жизнь не стоит ничего. Твоя гордость не стоит ничего. Единственное, что имеет значение — это то, встал ли ты на ноги после удара.

Он щелкнул пальцами. Лед на ее плече с тихим хрустальным звоном осыпался на пол. Кровообращение возвращалось, принося с собой волну агонии.

— Вставай, — приказал декан.

— Я не могу...

— Вставай!

Анастасия зарычала. Она уперлась здоровой рукой в пол и поднялась. Ноги дрожали. Онемевшая правая рука все еще висела безжизненной плетью.

— Меч, — Сильвер кивнул на боккен.

Анастасия наклонилась, зажав деревяшку под мышкой здоровой левой руки. Она попыталась поднять ее. Пальцы не слушались.

Тогда она сделала то, чего сама от себя не ожидала. Она разозлилась.

Она представила, что ее рука — это не часть ее тела, а просто инструмент. Кусок дерева. Она потянулась к той крохотной лужице маны, что осталась внутри из-за ошейника, и толкнула ее в плечо.

Мана хлынула в онемевшие мышцы. Это было больно. Словно тысячи иголок впились в плоть. Рука дернулась.

Анастасия подняла меч.

— Хорошо, — кивнул Сильвер. — А теперь снова.

Тренировка длилась до глубокой ночи. Анастасия сбилась со счета, сколько раз ледяной клинок декана касался ее. Плечо, бедро, колено, снова плечо. Каждое касание приносило парализующий холод. Каждое касание заставляло ее падать на колени.

Но с каждым разом она падала чуть медленнее. И поднималась чуть быстрее.

Она не научилась фехтовать. Но она научилась падать. Она научилась принимать боль.

Когда Сильвер наконец остановил бой, Анастасия едва стояла на ногах. Ее сорочка была мокрой от пота, волосы прилипли ко лбу, а все тело горело огнем.

— На сегодня достаточно, — сказал декан. Он выглядел абсолютно свежим, словно только что проснулся. — Ты быстро учишься.

— Я хочу в душ, — выдохнула она.

— В казарму. Твоя группа ждет.

— Они знают? Про ошейник?

— Они знают, что декан Сильвер решил лично тренировать дикарку. Это вызывает вопросы. Вопросы в Академии ведут к смерти. Поэтому придумай легенду. Скажи им, что я пытаюсь сделать из тебя свою фаворитку. Это объяснит, почему ты пропадаешь по ночам и почему у тебя такой затравленный вид.

С этими словами он развернулся и пошел к выходу из зала. — Завтра в полночь, — бросил он через плечо. — Не опаздывай. И да... сними это.

Он кивнул на ее шею. Анастасия непонимающе коснулась ошейника. — Он блокирует твою чувствительность к потокам. Ты не сможешь учиться Эфиру, если не будешь его чувствовать. Но не вздумай снимать его за пределами этого зала.

Сильвер коснулся печати на стене. Воздух пошел рябью, открывая портал. — Иди. И выпишь. Завтра Грок будет учить тебя любить жизнь.

Когда Анастасия, пошатываясь, вошла в казарму, там стояла непривычная тишина.

Все тридцать человек группы Омега не спали. Они сидели на своих койках, и в тусклом свете дежурного кристалла их серые лица казались высеченными из камня.

Анастасия остановилась посреди прохода. Она ждала насмешек. Ждала камней.

Тим спрыгнул со своей верхней полки. — Ну ты и пропала, — сказал он, подходя ближе. — Мы уже ставки делали, не пустили ли тебя на ингредиенты.

Он принялся. — Пахнет озоном. И страхом. И... дорогим коньяком?

Анастасия проигнорировала вопрос. Она подошла к своей койке и тяжело опустилась на край. Железная сетка жалобно закричала.

— Что он с тобой делал? — тихо спросил Гром. Он стоял, прислонившись к колонне, и его тень казалась еще больше, чем он сам.

Анастасия подняла дрожащую левую руку и расстегнула ошейник. Холодный металл упал на ладонь. Она показала его группе.

— Подавитель, — выдохнула Мия, ее глаза расширились от ужаса. — Это же уровень Архимагов. Такие используют на заключенных в Башне. Зачем он надел это на тебя?

— Чтобы я не взорвала его кабинет, — Анастасия потерла шею, чувствуя, как по коже разливается благословенное тепло. Онемение в плече начало проходить. — Он сказал, что я... Эфир.

По казарме пронесся единый вздох.

Эфир. Миф. Легенда. Основа основ, из которой вышли все стихии.

— Значит, ты не земляной, — задумчиво прогудел Гром. — Сегодня на плацу... камень поддался, потому что ты его *попросила*. Ты не управляла землей. Ты слилась с ней.

— Я ничего не контролирую, — голос Анастасии дрогнул. — Я просто хочу выжить. Сильвер сказал, что если я не научусь, меня разберут на части.

Тим присел перед ней на корточки. Его обычная веселость исчезла, сменившись пугающей серьезностью. — Значит, мы будем контролировать за тебя, — сказал он. — Ты — наше секретное оружие, Настя. Пока эти белоручки учат формулы, у нас есть ты. Живая катастрофа.

— Я не оружие, — возразила она.

— Нет, — Тим неожиданно тепло улыбнулся. — Ты — наша гарантия того, что нас не отчислят в первый же месяц. Если мы будем рядом с тобой, нас будут держать в Академии хотя бы для того, чтобы следить за тобой.

Мия подошла и молча протянула ей ту самую мазь в банке. — Намажь плечо. И выпей вот это. — Она достала из кармана маленький флакон с мутной жидкостью. — Это успокоит нервы. Иначе ты не уснешь, а завтра Грок снова будет делать из тебя котлету.

Анастасия взяла флакон. Она посмотрела на своих товарищей. На рыжего шута Тима, на тихую, но нестигаемую Мию, на угрюмого гиганта Грома.

Они не боялись ее. Они боялись *занее*.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не за что, мышка, — Тим потрепал ее по спутанным волосам. — Добро пожаловать в стаю.

Анастасия легла, не раздеваясь до конца. Она прижалась щекой к колючему одеялу. Тело болело так, словно ее пропустили через мельничные жернова. Но впервые с момента, как она покинула цветочную лавку, она чувствовала себя в безопасности.

Она закрыла глаза. Перед тем как провалиться в тяжелый, исцеляющий сон, она почувствовала легкое покалывание в груди. Ошейник лежал на полу у кровати, и ограничители были сняты. Внутри, в самой глубине, маленькое солнце Источника начало разгораться чуть ярче, набирая силу для завтрашнего дня.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.